
ПЛОХОЙ ПАРЕНЬ
для училки
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
АНАСТАСИЯ СОВА

Анастасия Сова

Плохой парень для училки

https://litres.ru/74783597
SelfPub; 2026

Аннотация

– Расслабься, Давидыч! Эта училка тебе не по зубам! – хохочет кто-то из парней, припоминая недавний случай в ресторане.

Ярость заливает сознание. Я не из тех, кто отступает. Пру напролом, как чертов танк!

– Это мы еще посмотрим, – с усмешкой заявляю.

Ну, все, Виктория Евгеньевна, ты не просто попала, ты конкретно попала!

– Неделя, – уверенно заявляю, – и эта малышка будет стонать подо мной всю ночь.

Я думала, что работа в университете будет моей сбывшейся мечтой, но в итоге встретила ЕГО. Наглого и циничного студента, который не признает слова «нет».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	52
Глава 10	59
Глава 11	65
Глава 12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анастасия Сова
Плохой парень для училки

Глава 1

Вика

– Вот это жопа! – громко присвистывает кто-то сзади.

Следом раздается дружный неприятный мужской гогот.

Ну вот, началось.

Прилив крови к щекам я чувствую гораздо раньше, чем осознаю смысл слов.

Нет, я, конечно, знала, куда устраиваюсь. Пусть и временно до начала семестра.

Элитное кафе славилось не только кофе за тысячу рублей, но и своей не менее элитной публикой – золотой молодежью, для которой правила приличия, видимо, писались где-то в параллельной вселенной.

Приходится обернуться.

Столик пятерки молодых людей, развалившихся на красных бархатных диванах как хозяева жизни, к сожалению, оказывается моим.

Вот же попала!

А это ведь они уже успели нахамить бармену, а потом громко обсуждали чью-то новую яхту.

«Аванса за первую неделю работы как раз хватит на залог», – утешаю себя, разворачивая блокнот для заказов.

Натягиваю на лицо улыбку.

Может, про пятую точку вообще звучало не в мою сторону?

Подхожу, стараясь сохранять профессиональное безразличие на лице, хотя внутри все сжимается от нехорошего предчувствия.

– Готовы сделать заказ? – спрашиваю я, глядя куда-то в точку между ними.

Голос, к счастью, звучит уверенно.

– Ого, а голосок-то какой нежный! – не без удовольствия тянет блондин в белоснежной футболке, которая стоит, наверное, больше моей недавней повышенной месячной стипендии.

– Предложишь что-нибудь… особенное? – другой парень, не менее заносчивый, подмигивает соседу, широкоплечему брюнету с дорогими часами, на которого я почему-то тоже бросаю взгляд.

На секунду замираю. Этот явно считается вожаком стаи. Расселся в позе царя. На лице едва уловимая циничная усмешка. А его холодные, оценивающие глаза нагло, но лениво скользят по мне сверху вниз, пока придворные шуты развлекают его, забрасывая меня пошлостями.

До сегодняшнего дня временная работа в кафе, чтобы подкопить денег на нормальную съемную квартиру, казалась

мне более удачной идеей.

Все, чего я хотела, – съехать из клоповника, который мы сейчас снимаем с Глашей и называем «домом». Потому что, кажется, даже мои волосы насквозь провоняли затхлым запахом сырости.

– Все напитки и блюда указаны в меню, – отвечаю я, указывая взглядом на столик. – Оно перед вами.

– А тебя в меню нет? – фыркает блондин, заводясь еще сильнее. – Мы бы заказали порцию… «фирменного десерта», – он явно ждет смеха. И дожидается.

Грубый неприкрытый и пошлый хохот скребет по нервам.

По моей спине стекает первая липкая капля.

Ощущаю, как по коже побегает дрожь от нарастающего гнева.

«Терпи, Вика. Терпи. Это всего лишь придурки. Квартира важнее».

– Я приму ваш заказ, когда вы определитесь с выбором, – говорю я, стараясь быть громче их смеха.

Но внутри все клокочет.

Разворачиваюсь, чтобы уйти. Я не должна вестись на эти провокации.

В конце концов, я не какая-то портовая девка, а будущий кандидат наук. И буквально через пару недель я выйду за кафедру перед студентами, как преподаватель.

И это как раз то, что действительно для меня важно.

– Эй, котенок, – голос, от которого у меня едва не под-

кашиваются ноги. Властный, уверенный, низкий. Его голос. Главаря. – Ты кажется не поняла…

Парень хватает меня за запястье, хотя судя по его лицу, он явно не против залезть и под юбку тоже.

Но для меня и это слишком. Физический контакт – прямой переход черты.

Вспыхиваю за секунду. Буквально за мгновение.

И все мои действия бегут впереди разума.

Мимо как раз проходит мой коллега, неся на подносе свой заказ. Хватаю первое, что попадается под руку – кувшин с лимонадом.

Без жалости выплескиваю все содержимое, вместе с кусочками льда и листиками мяты на альфача.

Ледяной поток хлещет сверху, обрушиваясь на его идеальную прическу.

Он заливает скульптурные скулы, черную футболку.

Вода стекает по татуированной шее, за пазуху, оставляя темные пятна на безупречной ткани.

В кафе на секунду повисает шоковая тишина.

Смех его друзей обрывается на полуслове, а рот самого наглого из них, блондина, застывает в идиотской ухмылке.

Время будто останавливается.

Но парень не вскакивает с дивана. Он медленно поднимает голову. Капли ледяного лимонада стекают по его лицу, с подбородка – одна, вторая.

Но самое жуткое сейчас – это его глаза.

Секунду назад в них была лишь ленивая, циничная оценка. Теперь же нечто иное. Взгляд, как у хищника, внезапно обнаружившего добычу, которая посмела его тронуть.

Он буквально прожигает меня насквозь. Этот взгляд не просто видит – он будто фиксирует каждую деталь: мой испуг, мое замешательство, стук сердца, который, кажется, слышен во всей тишине кафе.

Мажор очень медленно встает. Каждый его мускул напряжен, точно тетива лука.

Мокрая футболка прилипла к мощным плечам и торсу, обрисовывая рельеф, которому, определенно, можно позавидовать. А вся эта фигура выглядит очень угрожающе.

Для меня.

Да для кого угодно!

Только сейчас оцениваю, какой он высокий. Его тень буквально накрывает меня.

Воздух словно сгущается, становясь тяжелым, трудным для дыхания.

Наверное, сейчас правильно будет извиниться, но я не собираюсь оправдываться.

Так-то эти уроды заслужили!

Пожалуй, мне стоило окатить лимонадом каждого. Особенно блондина, что до сих пор кажется мне самым мерзким.

Я уже считаю секунды до того, как в зале появится наш администратор, пока вожак этой наглой стаи не сводит с меня полного угрозы взгляда.

– Ты хоть понимаешь, – сквозь зубы с пренебрежением произносит он. Делает паузу. Взгляд скользит по моему бейджу с именем, – Вика… во что ты только что вляпалась?

Его губы трогает едва уловимая ледяная усмешка.

В ней нет ни капли веселья. Только обещание. Обещание чего-то неотвратимого и ужасного.

Его взгляд и эта усмешка – абсолютная, незыблемая уверенность в себе. Становится ясно, что унижение, которое я ему нанесла, он воспринял как личный вызов.

Гипнотизирующий, обещающий расправу взгляд, гнев и страх, что сливаются во мне воедино, провоцируют защитную агрессию, вырвавшуюся наружу сгоряча:

– Думаете, вы такие крутые? А без папочек своих что-то можете вообще? – выпаливаю я.

Голос дрожит, но звучит громко в повисшей тишине. Кажется, мы привлекли внимание всех присутствующих.

Но меня уже не остановить:

– Только руками лезть и девушек пугать?

Парень делает шаг ко мне.

Воздух выбивается из легких, как от удара.

Он не просто подходит – его мощная аура будто сжимает тисками. Капли напитка все еще стекают по его лицу, но оно оказывается неподвижным, будто выточенным из камня. Лишь темные глаза горят пугающим холодом.

Инстинктивно отступаю назад. В моих дрожащих руках все еще тяжелый кувшин от лимонада.

Пара шагов – и бежать больше некуда. Врезаюсь в другой бархатный диванчик.

Мажор останавливается очень близко. Гораздо ближе, чем позволяет наше неприятное знакомство.

Я чувствую запах дорогого парфюма, смешавшийся с кисловатым цитрусом лимонада и… чем-то диким, первобытным, отчего скручивает живот.

– А я тебя еще не пугал, котенок. И, думаю, ты не захочешь узнать, на что я способен БЕЗ папочки, – в глазах парня вспыхивает зловещий огонь. – Но когда начну, ты будешь умолять, чтобы я остановился.

Глава 2

Вика

Ярость горячая и густая впрыскивается в кровь.

Уже собираюсь отвесить наглецу пощечину, как рядом с нами внезапно возникает администратор.

– Свалила! – шипит он мне с неприкрытой злобой, чтобы никто не слышал, но, уверена, слышат все.

Нахал отступает.

Закусив до крови губу, чтобы не заплакать, бегу в комнату для персонала. Маленькую каморку, в которой мы переодеваемся и оставляем личные вещи. Комнатой это полуподвальное помещение назвать язык не повернется.

Но и тут не позволяю себе проронить и слезинку, хотя становится понятно – нормальная квартира, та, о которой я так мечтала, помахала мне ручкой на прощанье.

И это с самого начала было дурацкой затеей. Отчаянной авантюрой. И я не понимаю, как она вообще пришла мне в голову. Мои документы о работе в университете были подписаны еще на прошлой неделе, и все, что мне оставалось, немного подождать до сентября.

Моя мама всегда говорила, что каждый человек должен быть на своем месте. Мое – наука. Я ведь с раннего детства мечтала получить золотую медаль в школе. И это было не просто блестящим кружком, а пропуском в лучшую жизнь.

А красный диплом в универе казался для меня чем-то ощутимо важным, доказательством того, что в этом жизни я чего-то стою.

Потому, когда появилась возможность поступить в аспирантуру, я не раздумывала. Схватилась обеими руками за этот шанс.

А потом почему-то решила подработать в кафе. Логика, видно, в тот момент вышла из чата.

Администратор, бледный и трясущийся больше меня, даже не слушает моих оправданий, когда минут через пять влетает в комнатушку вслед за мной.

Его глаза бегают, как у бешеного зверя. Лицо белое, точно мел. А еще он пытается орать на меня, но все время запинается, потому получается лишь бессвязная рваная речь:

– Вика… Это… Это просто катастрофа! Эти гости… Ты понимаешь, КТО это был? Князев. Давид Князев! Его отец, если захочет, сотрет наше кафе с лица земли!

Он машет рукой, словно отгоняя саму мысль о подобных последствиях. Потом глядит куда-то за спину, будто тень страшного «папаши» уже висит за его спиной.

Итог оказывается предсказуемым. Юра просто выгоняет меня, не заплатив за смену, хотя я уже шесть часов провела на ногах, вертясь вокруг столов.

– Убирайся! – цедит он сквозь зубы, и в этом заключается все его прощание.

Хорошо, что в кармане осталась пара тысяч чаевых от

немногочисленных гостей, чья щедрость все же перевешивает высокомерие и тщеславие.

Но мне от этого не легче.

Князев.

Эта фамилия мне ровным счетом ни о чем не говорит. Но тона нашего администратора Юры и его панического вида, оказывается достаточно, чтобы понять суть.

Картинка складывается сама собой.

Конечно, я не считаю, что эти Князевы какие-то особенные. Наверняка, папаша такой же беспринципный хам и ублюдок, привыкший решать все вопросы деньгами и запугиванием.

Дорога до общежития сливается в одну сплошную серую полосу. Мысли в голове скачут, точно мячики. До боли обидно, что все мои старания – коту под хвост.

Вот это ВСЕ было ради чего?

Мой бунтующий мозг отказывается понимать.

Знакомая двухэтажная коробка общежития из грязно-серого силикатного кирпича встречает меня грустным видом.

Но он такой всегда. Окна – старые деревянные рамы, которые даже в голову никому не приходило заменить. И зимой, видимо, снова придется их затыкать по-старинке. И это сейчас так бесит, что я хочу завыть от несправедливости этого мира.

У входа, как обычно, кучка курящих соседей, создающих вечно такую дымовую завесу, что волосы потом срочно при-

ходится мыть, чтобы избавиться от навязчивого запаха табачного дыма.

Но это не самый мой «любимый» запах. Особенно ненавижу, когда тетя Тамара из третьей комнаты тушит свою капусту. Аромат стоит такой, что едва удается сдержать рвотные позывы.

Сегодня капустой не пахнет, но общага оттого приветливее не становится.

Безрадостно толкаю дверь в комнату плечом.

– Вик?! Что случилось? – подруга Глаша тут же замечает мое состояние. – И почему так рано? Смена же до десяти…

Слезы подкатывают к глазам, но я не разрешаю себе плакать. Вот еще! Разве достойны эти люди моих слез? Нет. Конечно же, нет.

Но Глаше приходится рассказать все, как было. Она моя подружка, и утаивать события сегодняшнего дня просто нет смысла.

– Эй! – подруга притягивает меня к себе. – Это все фигня! Прорвемся! И общага эта не такая уж зачуханная. Я и похуже видала. На вот, – Глаша отстраняется, подходит к столу и наливает в стакан воды из старого электрочайника, который вечно подтекает.

– Просто понимаешь, – не могу до конца унять взорвавшееся чувство несправедливости, – работала, никому не мешала, а потом меня уволили из-за какого-то Князева!

– Стоооп… – глаза подруги расширяются. – Повтори, что

ты сейчас сказала!

– Глаш, это не смешно! – закатываю глаза я.

– Это реально не смешно! – подтверждает она – Давид Князев? Брюнет божественной красоты и в татухах, от вида которых можно сойти с ума? – с каким-то восхищением произносит подруга.

– Слушай, я его не рассматривала, – отмахиваюсь и, если честно, лукавлю. Мне удалось рассмотреть парня очень даже хорошо. И татуировки на нем правда были. И много.

– Говорят, он такой недоступный! – во взгляде подруги загорается неподдельный интерес. Выяснить грязные подробности – теперь для нее дело принципа.

– Почему же недоступный?! Очень даже доступный для графина с лимонадом. И, знаешь, после ледяного душа его красота как-то померкла, – фыркаю я. Но и здесь обманываю, вспоминая идеальное сильное тело, облепленное мокрой футболкой.

– Ты че?! – Глаша подсаживается ко мне. – Давид Князев! Сын того самого! Девчонки слюной исходят! Он же просто… – закатывает глаза в экстазе – …бог!

– Бог? – мне становится смешно и грустно одновременно. – Бог чего? Наглости и высокомерия? Он сидел, как павлин, а его друзья-хамы так и норовили гадости ляпнуть!

– Да ладно тебе! – подруга легонько толкает меня плечом. – Ну, друзья, ну, придурки, но это не он! Он же всегда такой – загадочный, немного надменный. Это ж часть образа! А ты

его водой облила?! – хихикает.

– Лимонадом, – напоминаю.

– Охренеть! Представляю его лицо! Он же идеально всегда выглядит! Как с обложки!

– Идеально он выглядел, когда я его ледышками окатила. И смотрел потом так… Все, короче! Прекращаем. Не хочу больше тратить на этого человека ни секунды моего времени!

– Подожди! – заведенная подруга останавливаться не собирается. –Ну, обиделся, понятно! Представляю, как это было… И футболка его, наверное, стоила как год жизни в нашей общаге!

Глаша еще больше оживляется, вспомнив что-то.

– Ой, Вик, а ты знаешь, про него столько слухов ходит! Девчонки в комментариях под постами кипятком писают!

– Ну и? Что там? Что он принц на белом мерседесе? – скептически усмехаюсь.

– Ну, во-первых, у него не Мерседес, а Феррари! – Глаша чуть понижает голос, будто собирается сообщить мне великую тайну. – Но главное – девушки! Говорят, у него их просто очередь! Самые красивые, самые стильные – модели, блогерши, дочки папиных друзей. Все тащатся от него! Говорят, он им шикарные подарки дарит – украшения, поездки... Везет в самые пафосные места! Романтик, говорят, еще тот!

– Романтик? – презрительно фыркаю. – После того как он

мне под юбку залезть пытался? Пфф. Сомнительный романтизм.

– Ну, надолго ни одна не задерживается, конечно, – с какой-то грустью в голосе произносит подруга. – Говорят, он быстро остывает. Но никто не жалуется! Все потом ходят такие... загадочные, вспоминают. И говорят, он невероятно… – понижает голос до шепота – …страстный. Ну, ты поняла. Что взгляд у него такой пронизывающий, что аж мурашки... что поцелуи… – вздыхает мечтательно. – Блин, вот бы хоть раз такого принца!

Примерно на этом моменте я устаю закатывать глаза, и подруга тоже это подмечает, потому добавляет:

– Ну… Может, он просто разозлился? По-человечески? Он же звезда, привык к обожанию, а ты его… окатила при всех. Но зато он тебя заметил, Викусь! Давид Князев! Это ж круче, чем лайк от блогера-миллионника! Полгорода за такое внимание убиться готово!

Разговор с Глашей все больше напоминает какой-то цирк!

– «Заметил»? «Круто»? Глаша, меня из-за него уволили вообще-то! Я работу потеряла! И до нормального жилья мне теперь как до луны! – вновь вспоминаю об этом и становится лишь сильнее обидно. – Этот твой Давид вел себя как последний хам! Подстать друзьям! Так что на его внимание и страстность мне плевать! Всего лишь заносчивый циничный придурок с надутыми щеками! Все!

Хотя в глубине души холодный голос шепчет: «Этот Да-

вид не придурок. И щеки у него не надутые, а очень даже привлекательные. И не только щеки…». Но я никогда этого не признаю.

Глашка театрально вздыхает, понимая, что меня не переубедить. Поднимается с кровати, и та жалобно скрипит.

– Ну, ладно, ладно! Не нравится тебе принц на Феррари – и не надо. А работу жалко, ты права. Хотя, знаешь… – подругу вдруг осеняет каким-то неизвестным мне открытием. – А, прикинь, Давид передумает? И пришлет тебе огромный букет в качестве извинения? Романтик же!

– Да, ну тебя! – отмахиваюсь от подруги.

Как вдруг в нашу дверь кто-то уверенно и настойчиво стучит.

Мы с Глашей переглядываемся.

– А я говорила… – одними губами шепчет она.

Глава 3

Вика

– Ты кого-то ждешь? – спрашиваю у Глаши.

– Нееет, – тянет она. – Но вот я офигею, если это Князев! – глаза подруги загораются алчным блеском.

Ни разу не видела, чтобы она так по кому-то тащилась.

– Тогда ты открывай, – распоряжаюсь я. – Потому что я в этом цирке участвовать не собираюсь! – взмахиваю руками, демонстрируя свое безразличие.

– Как я выгляжу? – подруга воспринимает все на полном серьезе.

Выставляю сразу два больших пальца вверх.

Но облом приходит неожиданно, когда за дверью обнаруживается наша соседка справа Нина.

– На кухне холодильник сломался, с вас две тысячи! – заявляет она. – Кирюша уже заказал новый, свои деньги вложил. Так что сдаем оперативно!

– А мы его не ломали! – возмущается Глаша. – И вообще, у нас тут свой холодильник, потому что из общего кто-то постоянно ворует еду!

Я так вымоталась сегодня, что выслушивать конфликты еще и дома просто нет никакого желания. Потому решаю отдать соседке те самые чаевые, что принесла со смены.

На секунду я, честное слово, подумала, что Глаша может

оказаться права. Представила нахала из кафе со здоровенным букетом белых роз, которые он притащил специально для меня.

Хотя, не очень понятно, почему я так подумала, ведь люди не меняются, а хозяева жизни не трансформируются в нормальных людей, способных на что-то большее, чем отдавать приказы и издеваться.

Мне приходится смириться с тем, что другого жилья в ближайшее время не видать, как собственных ушей.

А еще решаю для себя, что больше не стану испытывать судьбу и оставшиеся две недели проведу в подготовке к новому семестру. Первому, где выступлю в качестве преподавателя.

Устраиваться в кафе с самого начала было ошибкой, и практика это только доказала.

Особенно радуюсь тому, что мажор решил не воплощать свои угрозы в жизнь, а мне почти удалось избавиться от его нахального образа в моей голове.

С этим, кстати, мешала Глаша, то и дело подсовывая мне фотографии Давида, хотя я ее об этом не просила.

Перед днем «икс» очень волнуюсь.

Одежду я приготовила заранее, еще вчера вывесила на вешалке на дверцу шкафа.

– Мне кажется, люди к свадьбе так не готовятся, – фыркнула тогда Глаша.

Но она просто не понимает, как это важно. Нужно сразу

же произвести хорошее впечатление на студентов. Ведь я сама только вчера со студенческой скамьи и прекрасно знаю, что за экземпляры там встречаются.

Стараюсь не думать о том, что мне может попасться кто-то типа Давида и его прихвостней. Но, в любом случае, на это раз я окажусь в более выигрышном положении. Уже не бесправная официантка в элитной забегаловке, а преподаватель.

И об этом говорит весь мой вид. Темно-синие брюки, белая не просвечивающаяся блузка, которая не оставляет полета фантазии. Волосы, забранные в высокий хвост.

Глаша сидит на своей кровати, закутавшись в плед, жует бутерброд и пристально наблюдает за моими сборами.

– Короче, я знаю, что надо делать! – с видом знатока вдруг неожиданно заявляет она. – Тебе надо переспать с деканом!

Я чуть воздухом не давлюсь.

– Глаш?! Ты встала что ли ни с той ноги?

– Это стратегия, понимаешь? Одна романтическая ночь и, вуаля, ты в шоколаде.

Смотрю на подругу сурово.

– Ну, что? Это называется – использовать все доступные средства!

– Да, ну тебя! Все, я побежала!

Дорога до университета оказывается очень волнительной. И чем ближе к месту своей новой работы я оказываюсь, тем сильнее в груди бьется сердце.

Университет встречает меня очень знакомой атмосферой студенчества. Здесь буквально кипит жизнь.

Только сейчас понимаю, что внутри у меня не волнение, а трепет.

Воздух гудит от голосов. Студенты кучкуются, смеются, оживленно обсуждают что-то. А я думаю, не на мою ли пару они спешат?

Кто-то ищет расписание, кто-то торгуется за старые учебники, кто-то просто наслаждается последними минутами свободы перед началом пар.

И мне это, офигеть, как нравится!

До начала пары сижу на кафедре. Решаю, что лучше не появляться в аудитории до начала занятия и не давать себе лишних поводов для беспокойства.

Моя рука слегка дрожит, когда я подхватываю со стула ремешок сумки. Пора.

Первые минут пятнадцать проходят нормально.

На задней парте слышатся смешки и перешептывания, но они не мешают мне вести лекцию, потому решаю не устраивать репрессий.

Голос немного дрожит вначале, но сейчас я полна уверенности.

Но вдруг дверь в аудиторию распахивается.

Автоматически поднимаю взгляд. Собираюсь сделать опоздавшему замечание.

Но как только вижу его, воздух перестает поступать в лег-

кие.

В проеме, небрежно прислонившись к косяку, стоит ОН. Давид Князев.

Глава 4

Вика

У меня внутри все опускается.

Пытаюсь понять, где я так провинились?

Давид, как и в первую нашу встречу, очень уверен в себе.

Еще бы! Если хоть часть того, что рассказала Глаша, правда, у этого мажора с самооценкой точно полный порядок.

Черные джинсы идеально на нем сидят, как и футболка, из-под которой выглядывают и ползут по накачанным рукам темные змеи татуировок.

А еще на его красивом лице все то же всезнающее ледяное выражение.

Но самое страшное, что его пронзительный взгляд устремлен только на меня.

Хотелось бы, чтобы Давид удивился, но нет. Парень глядит на меня с глубоким хищным удовлетворением, а случившееся явно его забавит.

– Извините за опоздание, – произносит он театрально громко, будто знаменуя, что игра началась.

Голос звучит жестко и уверенно, потому сомнений не остается. Он не извиняется. А всего лишь заявляет о своем присутствии.

– Долго отпрашивался у папочки. Отпускать не хотел, – хмыкает Князев, явно намекая на наш прошлый разговор.

По аудитории пробегает легкий смешок.

А у меня в голове только на повторе крутится: «Он здесь. Он студент. Мой студент».

Внутри зарождается нехорошее предчувствие.

Я ведь не дура и понимаю, что случившееся в кафе этот хозяин жизни просто так не оставит.

Но у меня все еще остается глупая надежда на то, что Давид не запоминает случайно встретившихся девушек, тем более, если по словам Глаши, у него их такое невообразимое количество.

– Дава, красавчик! – свистит кто-то с последней парты.

Этот отвратительный выкрик поддерживается всеобщим улюлюканьем в аудитории, где до этого была практически полная тишина.

Мне нужно просто дышать.

А на его лице победная улыбка.

Хотя, нет, не улыбка. Звериный оскал.

Собираю свое волнение в кулак и довольно уверенно произношу:

– Я прошу вас покинуть аудиторию. Вы опоздали, а это неприемлемо.

– Дава, выйди и зайди нормально! – гогочет кто-то из парней, и следом слышится общий ржач.

– А, ну, тихо! – пытаюсь сделать голос грозным и перекричать в миг взбесившихся студентов.

Сердце точно бешеное. И этот рваный ритм я ощущаю в

собственном горле.

Боже! Ну, вот как я могла попасть в такую ситуацию?

– Если вы сейчас же не уйдете, я буду вынуждена доложить в деканат о срыве лекции! – предупреждаю, приняв грозный вид.

Но Князев смотрит на меня бесстрашно, все с той же усмешкой, показывая, что боевые хомячки типа меня не представляют для него какой-либо угрозы.

Более того, проигнорировав мой приказ, Давид отрывается, наконец, от дверного косяка и движется… вглубь аудитории.

Он проходит между рядами, как король, обходящий свои владения. А подданные с интересом наблюдают за происходящим и едва не кланяются в ноги.

Давид останавливается перед первой партой, что расположена прямо напротив преподавательского стола, возле которого сейчас стою я.

Его наглый взгляд скользит по изгибам моей фигуры и задерживается на шее, где бешено пульсирует беспокойная венка.

– А, ну, брысь отсюда! – командует Князев парнишке в очках, что сидит на ближайшем к моему столу месте, даже не глядя в его сторону.

Тот трусливо сгребает все свои вещи и уже собирается линять, чтобы не связываться с негодяем, как в разговор вновь вступаю я:

– Я попросила вас выйти, – кто бы знал, как трясется все внутри. Ситуация непростая, и я просто не могу упасть в грязь лицом перед всей аудиторией.

Если покажу слабину, то больше не смогу работать в этом университете. И тогда на моей мечте придется поставить крест. Как и на квартире.

– И пока попросила по-хорошему, – напоминаю.

– Виктория… простите, не знаю, как вас по батюшке, – нахал нарочно растягивает слова. А его ухмылка не сулит ничего хорошего. Уверена, у этого мерзавца уже есть план, как сделать мое существование в этом учебном заведении невыносимым. – Какая... неожиданная встреча, да? Особенно после нашего мокрого знакомства.

– Уууу… – завывают в один голос многочисленные студенты после его бессовестных слов.

Ребята теперь явно ждут кровавых разборок.

Жар стыда и гнева поднимаются к моему лицу.

Только что Князев публично обрисовал тот факт, что мы знакомы. И сделал это таким образом, что фантазия молодых умов быстро разгуляется. И совсем не в том направлении.

– Господин Князев… – мой голос звучит гораздо резче, чем я планировала, ведь мне не хотелось проявлять агрессию. Но, по крайне мере, он не дрожит.

Выпрямляюсь во весь свой рост и стараюсь смотреть на мерзавца с высоты своего положения. Хотя на деле получается, что с высоты на меня смотрит он. С высоты собствен-

ного роста.

Здесь я не официантка. И ему придется со мной считаться.

– Господин Князев?! – Давид не дает мне продолжить, перебивает.

Он делает шаг ко мне, и теперь оказывается еще ближе.

Сразу же чувствую его дурманящий запах. Аромат уверенности, власти и наглости.

– Как официально… По-моему, после того, что между нами было, ты можешь называть меня просто… Давид.

Глава 5

Вика

Мне кажется, что студенты сейчас снова завоют, раздобыв очень интересной информации, но этого не происходит.

В аудитории воцаряется гробовая тишина.

Все ждут взрыва атомной бомбы.

Давид тоже замирает.

Он буравит меня взглядом, ожидая следующего шага. Наверное, думает, что способен вот так быстро сломать меня.

И у меня, честное слово, чешутся руки, чтобы отвесить наглецу пощечину.

Удерживаюсь из последних сил, потому что не могу себе позволить этого в стенах института. Да и в принципе со студентом. Пусть даже он откровенный хам.

– Хорошо, Давид, – решаю принять его правила. Но кто бы знал, как трясется внутри. Уверенность, натянутая сейчас на меня, – всего лишь маска, которую я не позволю сдернуть. Не при студентах. – Давай расскажем, ЧТО между нами было. Думаю, тут всем очень интересно.

Я не знаю, откуда беру столько смелости, чтобы заявить такое.

Но одно мне известно точно – если потеряю лицо в глазах студентов – то не смогу вернуть его никогда.

Каждая клеточка в моем теле ноет от напряжения. Но я

этого не показываю.

А вот на лице Князева – секундное замешательство. Он явно не ожидал такого поворота, потому что считает себя здесь царем.

Но я успеваю увидеть вспышку неконтролируемой ярости в его глазах, которая очень быстро исчезает, а на лицо Давида вновь натягивается привычное циничное выражение.

В аудитории по-прежнему тихо. Кажется, даже самые преданные фанаты Князева стихают, ожидая развязки.

Давид совершенно не ожидал, что я попробую развернуть его неприличный намек против него самого, но у меня получилось. Хоть на мгновенье, хоть на секундочку, но его самоуверенность дала микроскопическую, но все же, трещину.

Ведь мы оба знаем правду. И такая правда его сокурсникам, уверена, понравится гораздо больше.

Не знаю, почему я вдруг подумала, что после моих слов местная знаменитость трусливо даст деру.

Давид не только не собирался сдаваться, а, кажется, еще сильнее углубился в игру. Об этом говорят его смертоносный взгляд и губы, растянувшиеся в улыбке, что достигла ледяных глаз.

– А ты храбрая. Даже очень.

Студент делает паузу, позволяя мне прочувствовать угрозу, скрытую в его словах.

– Но, к сожалению, подробности нашего мокрого свидания слишком пикантны, чтобы трещать о них на всю ауди-

торию. Ты же не хочешь сорвать свою потрясающую лекцию.

– Оооо… – с шумом нарастает за его спиной.

Студенты вновь оживляются.

Спектакль, устроенный Князевым, нравится им гораздо больше моей лекции.

Со всей силы я впиваюсь ногтями в ладони, чтобы разум оставался светлым.

Не смей дрогнуть, Вика! Не давай ему этого удовольствия!

– Ты уже сорвал лекцию своим неуместным появлением. Поэтому, будь добр, покинь аудиторию.

Князев собирается что-то еще сказать, но в этот момент раздается настойчивый вибрирующий гул из кармана его джинс.

Звук негромкий, но в затихшей вновь аудитории прозвучал отчетливо. Все взгляды, включая мой, автоматически устремились к Давиду Князеву.

Он замирает. Легкая тень досады, почти неуловимая, мелькает в его ледяных глазах. Или мне просто кажется? Давид тянется за мобильником.

Мое сердце екает с нелепой надеждой: «Выйди. Просто возьми и уйди».

Парень вытаскивает смартфон, его взгляд скользит по экрану, и в тот же миг его лицо меняется. Оно становится более... сосредоточенным. Почти серьезным. И я молюсь, чтобы этот звонок, действительно, оказался для него важным.

– Ох, – Князев изображает еще большее сожаление, обращаясь теперь ко мне, – котенок, прости. Похоже, мир разрушится без моего участия. Но мы не прощаемся. Теперь это дело принципа – ходить на пары. Обещаю.

Он так зловеще усмехается в конце, что у меня по коже пробегает противный холодок.

Это обещание встает мне поперек горла.

Если честно, я даже готова пойти наперекор своим принципам и поставить мерзавцу автомат, лишь бы больше не приближался ко мне ближе, чем на пятьдесят метров.

Но у Князева, похоже, другие планы.

Давид театрально взмахивает рукой, прощаясь со студентами, для которых только что устроил шоу.

– Дава, а приходи сегодня в «Оракул», – бросает ему какая-то блондинка, сидящая у окна.

Она при этом делает такое лицо, что я тут же вспоминаю все рассказы Глаши и ее бешеный взгляд, когда та показывала мне фотки Князева. Особенно полуголые.

– Дава, красавчик! – кто-то вновь одобрительно присвистывает, подорвав во мне ощущение хоть и временной, но победы.

Дверь захлопывается с глухим стуком.

Все закончилось. Он ушел.

Воздух с гулким свистом врывается в мои легкие.

Я только сейчас осознаю, что почти не дышала все это время.

Ноги стали ватными и тяжелыми, а вся аудитория все еще смотрит на меня.

Десятки любопытных глаз.

Облегчение оказывается мимолетным. В голове стучит набатом его обещание ходить на все мои пары. Ощущается прямо как приговор для моей карьеры.

Наверное, мне стоит попросить в деканате, чтобы забрали у меня этот курс. Так будет лучше для всех.

Я глубоко вдыхаю, пытаясь унять дрожь в руках и ногах.

Голос, когда я начинаю говорить, звучит удивительно ровно, лишь слегка приглушенно:

– Ну что ж… Цирк, как видите, закончился. Давайте, продолжим.

Выпрямляюсь во весь рост, придавая себе еще больше уверенности. Хотя это всего лишь скорлупа, под которой пульсирует нарастающая тревога.

Щелкаю колпачком маркера и поворачиваюсь к доске, скрывая от всех, как бешено колотится сердце, и как трясутся колени.

На спине я чувствую их любопытные взгляды.

А еще я понимаю, что уже к обеду история о нашем с Князевым «мокром знакомстве» облетит весь университет.

И тут раздается громкий и наглый голос, принадлежащий парню, который свистел Давиду «красавчик»:

– Виктория Евгеньевна? А вы правда с Князевым... «знакомы»? – он многозначительно выделяет последнее слово,

переполняя его похабным подтекстом.

– Или вы с ним «договорились», чтобы устроиться сюда?

От грязных намеков у меня перехватывает горло. А вопросы сыплются так быстро, что я не успела бы на них ответить, даже если бы захотела.

– И долго вы «договаривались»? – подхватывает разговор та самая блондинка, что приглашала Давида в какой-то «Оракул». – Он, говорят, быстрый только на тачках... а в другом деле... – девчонка закатывает глаза, вызывая взрыв хохота среди студентов.

Я собираю в кулак все силы, остатки гордости и воли. Уверенно смотрю на студентов.

Сейчас мне просто нужно выстоять. Прочитать эту чертову лекцию. Не дать им увидеть слабину. Не дать Давиду победить, хотя бы сегодня.

– Еще один неприличный вопрос, и я действительно сообщу в деканат о срыве лекции. И ваши пошлые фантазии вы будете обсуждать уже не здесь, а с деканом и родителями. Так что, если хотите, можете проверить мою решимость.

К счастью, после моих слов аудитория затихает. Хотя я понимаю, что это временно. Но, главное, студенты смогли увидеть не плачущую жертву, а уверенного в себе человека, готового идти до конца.

По крайне мере, я на это надеюсь.

Хотя, конечно, они еще не закончили. Они запомнили. Они будут шептаться на задних партах, писать в чатах, стро-

ить самые мерзкие догадки. Но, главное, что сейчас я не упала в грязь лицом.

Но дверь в аудиторию вдруг снова распахивается. И в дверях вижу секретаря из деканата с немного испуганным взглядом.

– Виктория Евгеньевна! Вас декан вызывает.

Глава 6

Вика

Горестно вздыхаю.

Если честно, после сегодняшнего потрясения предложение Глаши переспать с деканом уже не кажется таким уж беспочвенным. Ведь я совершенно точно понимаю, что в схватке против Князева все руководство университета точно будет на его стороне.

У нас тоже такое было – любимчики, чьи родители помогали университету финансово, всегда оставались в дамках.

И сейчас я отказываюсь верить в то, что Давид оказался настолько мелочным, что сразу побежал просить помощи у руководства. Он ведь мог наговорить чего угодно. Оболгать меня.

Самое обидное, что один раз я уже потеряла из-за него работу, причем совершенно незаслуженно. И если это повторится… я просто не знаю, что буду делать.

– Это срочно? – уточняю у секретаря.

Этот вызов на ковер мне хочется максимально отсрочить.

– К сожалению, да. Через полчаса Петр Аркадьевич уезжает на конференцию.

– Ладно, – развожу руками.

Блин, ну за что мне это?

– Я прошу вас посидеть тихо и не мешать соседним ауди-

ториям. А когда вернусь, мы продолжим, – обращаюсь к студентам, надеясь на их благоразумность.

– Не знаете, что случилось? – уточняю у работницы деканата. Уж очень напряженно себя чувствую.

Встреча с Князевым просто выбила меня из колеи.

Девушка поджимает губы и мотает головой.

– Но не волнуйтесь, – поддерживает она меня, – у Петра Аркадьевича сегодня хорошее настроение.

Ясно. Ну, хоть кому-то повезло с настроем.

В кабинете декана довольно душно. Несмотря на жару за окном, совершенно не свойственную этому времени года, начальник держит все окна закрытыми. И единственный кислород, что присутствует здесь, создается многочисленными комнатными растениями.

Декан лысый и круглый, чем-то напоминающий Шрека, восседает в своем крутящемся кресле.

Опять невольно вспоминаю слова Глаши, и меня едва не передергивает. И надо же было такое ляпнуть!

– Кондиционер сломался, – зачем-то оправдывается мужчина и сразу предлагает мне присесть.

Но мои ноги оказываются такими напряженными, что я с большим трудом сгибаю их в коленях.

Моя тревожность набирает максимальные обороты.

Не знаю, как это приходит мне в голову, но я почему-то решаю, что сейчас тот самый момент, когда лучшая защита – это нападение.

– Если вы насчет Князева, то… – начинаю разговор первой, набрав в легкие побольше воздуха.

– Князева?! А при чем тут Князев? – декан сводит брови на переносице.

От неловкости ситуации к моим щекам прилипает жгучая краска.

– Да так, ничего, – быстро отмахиваюсь от своих же слов и пытаюсь улыбнуться.

– На самом деле, я хотел предложить вам допнагрузку. Вы преподаватель молодой и с хорошими рекомендациями. Было бы полезно поглубже втянуться в работу университета, а меня как раз перед парой Марина из Профсоюза озадачила своим больничным. Ногу сломала, представляете?! А заменить ее некем.

– Даже не знаю, мне много пар поставили… – мысль конечно хорошая, и мне было бы интересно, предложи Петр Аркадьевич эту идею минут тридцать назад.

Сейчас же моя задача – как можно скорее сбежать из стен университета и, по возможности, не задерживаться здесь сверх необходимого.

– Вы не спешите с ответом, подумайте, – спокойно рассуждает декан. – Работа интересная, на самом деле. Да вы и сами только со студенческой скамьи, быстро вольетесь.

– Хорошо, я подумаю, – другого ответа обстоятельствами не предусмотрено. Потому не могу отказаться сразу.

– А что там, кстати, с Князевым?

Это ужасно, но Петр Аркадьевич вспоминает мои слова. Мне ничего не остается, как сказать правду:

– Опоздал, практически сорвал лекцию, позволял себе фамильярное общение.

Конечно, излишние подробности я опускаю.

– Понимаю, – с видом полного сожаления кивает мужчина. – Но у меня с его отцом личная договоренность. А он человек, знаете, с которым лучше не ссориться.

– Но ведь…

– Вика, – декан переходит на более неофициальный тон. – Я тебе так скажу. Князеву доучиться осталось год. Давай, не будем создавать ему проблем? Я тебе по-человечески советую найти к нему подход.

– Найти подход? – против воли вырывается у меня. – Значит, вы такое поведение поощряете?

Боже! Ну, зачем я это все говорю? Фактически ору на декана в свой первый рабочий день! Видимо, Давиду даже не придется стараться – я сама себе все испорчу.

– Я поощряю свою работу в этом университете, и очень не хочу ее лишиться. Поощряю ремонт в нашем корпусе, который запланирован на весну. Понимаешь, о чем я?

От злости мои руки под столом сжимаются в кулаки. Чувствую, как ногти впиваются в ладони.

Разочарование, злоба, обида, все смешивается внутри. Собственная ничтожность и жуткое чувство несправедливости отдаются болезненным сжатием в животе.

В кабинете повисает гнетущая тишина.

Но Петр Аркадьевич продолжает:

– И о своем будущем здесь тоже подумай. Прояви лояльность.

– Лояльность?! – ору я, но, слава небесам, только в своей голове.

Фактически мне сейчас предложили: извиниться, прогнуться и… терпеть.

– Мне все ясно, – получается очень резко, но декан предпочитает не замечать моего неподобающего тона.

– Очень хорошо, Виктория. И насчет моего предложения не забудьте подумать. Я буду ждать ответ к завтрашнему вечеру.

Переполненная злостью и отчаянием выбегаю из кабинета декана.

Мне хочется заплакать оттого, как несправедлива жизнь.

И я не знаю, как буду продолжать вести лекцию. Мне сейчас фактически подтвердили, что Давид – неприкосновенный. И эти слова жгут изнутри.

Резко заворачиваю в сторону лестницы. В собственных мыслях не замечаю, как… налетаю на чье-то сильное и очень горячее тело.

От неожиданности и силы удара я отшатываюсь, но чьи-то сильные руки мгновенно хватают меня. Притягивают грубо.

– Простите, я… – начинаю было, но когда поднимаю голову, оставшиеся извинения застревают в горле.

На лице появляется испуг, смешанный с гневом и раздражением.

Волна тепла от его тела накрывает меня, точно лавина. И я чувствую этот оглушающий жар даже через одежду.

– Я предпочитаю, чтобы телки на коленях извинялись, – сообщает Давид, растянув на губах ледяную усмешку. – А тебе явно есть за что прощение просить.

При этом второй рукой продолжает прижимать мое тело к себе. Крепко и плотно, что не вырваться. Я словно в ловушке, в капкане.

Его наглая рука осознанно проскальзывает по моей талии вниз и бесцеремонно сжимает мою попку.

Позорный жар вспыхивает внизу моего живота.

Его прикосновения обжигают и унижают одновременно.

Я пытаюсь вырваться, дернув локтями, но его хватка лишь усиливается, становясь стальной.

– Отпустите меня, Князев, – выдавливаю из себя сквозь стиснутые зубы, стараюсь, чтобы голос не дрогнул. – Сию же секунду!

И тут же слышится его смех. Короткий, глухой, без тени веселья.

– Опустить? Нет... Когда ты так дрожишь… – почти шепотом произносит Князев.

Его голос становится густым, точно мед, и в этих тягучих интонациях чувствуется опасность.

Он прикасается кончиками пальцев к моему лицу и, кля-

нусь, у меня подкашиваются ноги!

Стрела из чего-то острого и запретного пронзает тело. И я совершаю еще большую ошибку – смотрю Давиду в глаза. В эти темные угли, пылающие триумфом и голодом.

– Когда ты так дрожишь рядом со мной, – вновь повторяет Князев, – единственное, что я хочу сделать, это узнать… твои трусики, они сейчас такие же мокрые, как моя футболка после лимонада? Или гораздо влажнее? Мне не терпится проверить.

Глава 7

Давид

Вот она. Загнанная. Наконец-то.

Ее дыхание, в виде частых, мелких глотков воздуха, – бьется мне в грудь.

Огромные глазищи, темные от паники и ненависти, смотрят прямо на меня.

Идеально.

Чувствую, как напряжена каждая ее мышца под этой дешевой синтетической блузкой.

– Отпустите меня, Князев, – Вика выдавливает сквозь стиснутые зубы. – Сию же секунду!

«Сию же секунду».

Ха.

Меня почти разрывает от дикого, животного смеха. Как это мило. Как по-детски наивно. Она думает, что приказы работают здесь? Со мной?

Хочется заржать ей прямо в лицо, в эти ее огромные испуганные глаза.

Но я понимаю, что должен сейчас действительно отпустить, хотя мне не хочется. Нравится чувствовать, как по ее спине пробегает крупная дрожь.

Короткий, глухой смех все же вырывается у меня.

Попалась, котенок? Пришло время платить по счетам.

– Отпустить? Нет... – мой голос падает до шепота. – Когда ты так дрожишь…

Член до боли напрягается в джинсах.

Я едва держусь, чтобы не сломать границу между нами сейчас. Это будет слишком просто для нее.

– Когда ты так дрожишь рядом со мной, – повторяю я, наклоняясь ближе, вдыхая ее запах. Взгляд скользит вниз. Пытаюсь разглядеть ее сиськи, но блузка такая плотная, что не дает рассмотреть. – Единственное, что я хочу сделать, это узнать… – проговариваю свои слова нарочито медленно. – ...твои трусики, они сейчас такие же мокрые, как моя футболка после лимонада? Или гораздо влажнее? Мне не терпится проверить.

Я уже мысленно чувствую эту влажность. Предвкушаю горячий стыд учительницы. Моя рука движется вниз.

И тут – происходит неожиданное.

Эта бешеная бьет меня ребром ладони по предплечью. Но мне этот удар – как слону дробина. Только все равно приходится отпустить.

Место слишком очевидное. А батя сказал: «Еще один прокол, Давид, публичный скандал, и я заберу свою долю из твоих автомастерских. На восстановление оборота у тебя уйдут месяцы. Ты этого хочешь?». Нет. Не хочу. Мои мастерские – моя независимость, мое личное царство. Я не могу их потерять. Тем более, из-за нее.

Отец всегда знает на что давить. Еще в шестнадцать я по-

просил его помочь с развитием бизнеса. Он отстегнул бабла, потери которого даже не заметил, но теперь при каждом удобном случае манипулирует этим.

И эта его привычка манипулировать людьми и давить их – моя самая ненавистная в нем черта. Но самое дерьмо – похоже, я унаследовал эту потрясающую херь еще в утробе у матери.

– Не. Трогай. Меня, – как для тупого медленно произносит каждое слово училка. – Ты мне не нравишься!

А то что, блядь? Заревешь меня насмерть?

И вот теперь я улыбаюсь. По-настоящему. Широко и... удовлетворенно.

– А, знаешь, котенок, ты только делаешь игру... интереснее. Я люблю, когда дичь сопротивляется.

И я смотрю ей прямо в глаза, в эти бездонные озера, в которых сейчас страх смешивается с яростью.

– Надеюсь, ты повеселишь меня, и будешь драться до конца?

Но, если честно, я вру. Никакого удовлетворения я не испытываю.

«Ты мне не нравишься!». Почему-то эта фраза обожгла, как пощечина. Я, Давид Князев, которому падают в ноги, которого жаждут, которому молятся?!

У меня внутри все сжимается в тугой, ядовитый комок ярости.

Но сейчас я отступаю.

Позволяю ей уйти.

Проебываю непонятно где очередную пару, а после третьей мы с парнями заваливаемся в столовую.

Решаю собрать немного больше информации о своем новом развлечении. Для начала пробиваю соцсети.

Пальцы лениво скользят по сенсорной панели дорогого телефона. Компромат мне не нужен. Просто хочу получше изучить свою добычу. Знать слабые места.

Первое, что бросается в глаза – контент очень скудный. Никаких гламурных тусовок, дорогих ресторанов, показухи. Фотки редкие, будто училка не любит выставлять свою жизнь напоказ.

Это кажется мне диким.

Возьми любую из телок на нашем потоке, так у них от количества фоток могут глаза вытечь. От одних сисек и жоп можно окосеть. А про губы, раздутые на половину их оштукатуренных фейсов, я вообще молчу.

У училки же все по-другому. Тут она получает диплом, здесь собирает грибы в бабкином прикиде, а там, похоже, еще на выпускном в школе. Заебись веселая жизнь!

Но особенно привлекает мое внимание одна фотка. На ней Вика улыбается. Очень натурально. Волосы треплет ветер.

Какая-то капля хорошего мальчика, что, наверное, еще живет во мне, предлагает остановиться. Но я не собираюсь этого делать. Она должна мне за ресторан. И за сегодняшний

спектакль на лекции. А я не привык прощать тех, кто мне должен.

Глава 8

Давид

– Дава! – голос Темы вырывает меня из размышлений. Иду просматривать немногочисленные фотографии преподши по третьему разу. – Давай, колись, че там мышью?

Нехотя кривлюсь. Разговаривать не хочется.

В общем гуле столовой, создаваемом другими студентами, я даже прослушал начало разговора, увлекшись этими тухлыми фотографиями с серыми буднями Вики.

– Ты про ту, которая меня в кафешке облила и сегодня на паре пыталась вякать?

Не отрываю взгляда от смартфона.

И все таки красивая сука! Глаз цепляется.

Я так долго разглядываю каждую фотографию, будто еще минута, и я смогу заглядеть их до такой степени, что дешевые шмотки исчезнут, а мне откроется миниатюрная голая училка.

Когда осознаю это, еще усиленнее пялюсь в экран, словно уверовал с свои сверхъестественные способности.

– Слышь, а правда, она чуть не разревелась, когда ты про «мокрое знакомство» ляпнул? Катюха в группе написала – народ в ахуе был!

Циничная усмешка касается краешка моих губ. Я удобнее располагаюсь на столовском стуле и, наконец, откладываю в

сторону телефон.

– Почти, – уверяю друзей. – Дрожала, как осиновый лист, но сдержалась, – ухмыляюсь. – Пока сдержалась. Но это я только разминался.

– Расслабься, Давидыч! Эта училка тебе не по зубам! – хохочет Артем, припоминая, в том числе, недавний случай в ресторане.

Еще никто не позволял себе со мной такого. И никто не отказывал. Хочется стиснуть зубы в оскале, потому что ситуация меня раздражает.

Макс поддерживает:

– Реально, Дав. Обычная заучка. Не твой уровень, честно.

Эти двое меня сейчас бесят.

Глаза сужаются. Всплывает картинка – малышка Вика с ее презрительным взглядом, ледяным тоном: «Думаете, вы такие крутые? А без папочек своих что-то можете вообще?».

Ярость заливает сознание. Я не из тех, кто отступает. Пру напролом, как чертов танк!

– Это мы еще посмотрим, – с усмешкой заявляю, уже продумывая свой будущий план.

Парни переглядываются. Они знают – когда я говорю что-то подобное, это не просто слова. Это обещание.

– Она тебя вообще узнала? – интересуется Никита.

А я вспоминаю глаза училки, когда наши взгляды встретились в аудитории. Между нами полыхнуло. Шибануло так, что импульсом отдалось в то самое место, которому точно

пока не следовало оживать. Болтаться по универу со стояком в мои планы точно не входило.

– Ооо, узнала, – с каким-то садистским удовольствием тяну я, и в голосе звучит что-то хищное. – И даже попыталась поставить на место.

Меня.

– А ты что? – достает новым вопросим Никитос. Он у нас вечно пропускает все самое интересное.

– Как думаешь? – усмехаюсь. – Я ей устроил такой теплый прием, что она чуть не расплакалась перед всей группой, – повторяю, по сути, то, что уже до этого сказали парни.

Пацаны гогочут. Они уже представляют, как это было. Говорят, кто-то из наших даже заснял на телефон.

Вдруг снова начинаю ощущать эту непривычную тяжесть внутри. Завалить наглую преподаю – теперь дело чести. Я ведь не могу позволить, чтобы надо мной ржал весь университет.

– Неделя, – уверенно заявляю, – и эта малышка будет стонать подо мной всю ночь.

– Давид, да забей! – Максим хлопает меня по плечу. – Не хватало еще с какой-то мышью возиться.

– Погодь, Макс, училку нужно поставить на место! – встает на мою сторону Артем. – Дава, давай! Я в тебя верю, братан! Трахни эту сучку так, чтобы имя свое забыла!

Реакция парней оказывается мгновенной – свист, одобрительные возгласы, хлопки по плечу.

Кто-то показывает неприличный жест с кулаком и ладонью, а меня это все до сих пор бесит.

– Ставлю сотку, что не сможешь, – вдруг бросает Макс. – Неделя – и будешь послан нахер! – ржет он, уверенный в своих словах.

А мне эту самоуверенность с его наглой рожи хочется жестко стереть. А я это умею. Только принцип такой – друзей не бью.

Мне терпеть вдвойне важно показать училке ее место.

Медленно поворачиваю голову в сторону Макса, и с холодной, безжалостной уверенностью заявляю:

– Ты только что просрал сотку, бро!

– Парни, разбейте! – просит этот придурок, протягивая мне руку.

Уверенно пожимаю его ладонь.

Ну, все, Виктория Евгеньевна. Ты не просто попала – ты конкретно попала.

Улыбаюсь про себя.

Эта сучка будет умолять меня остановиться. Или, наоборот – не останавливаться. Потому что я не проиграю. Нет. Давид Князев никогда не проигрывает.

Глава 9

Вика

– Не. Трогай. Меня, – произношу отдельно каждое слово. Кто бы знал, как тяжело это дается. – Ты мне не нравишься!

Поверить не могу!

Я его ударила.

Запоздалая мысль едва не сбивает с ног: если кто-то увидел, меня могут уволить, еще и опозорив на все учебное заведение. А другие ВУЗы вряд ли захотят брать преподавателя, дерущегося со студентами.

Ситуация кажется какой-то совсем безвыходной. А ведь еще утром я была так счастлива и с удовольствием вдыхала воздух возле университета, радуясь тому, как постепенно, но очень уверенно сбывается моя мечта.

А сейчас мне хочется бросить все.

Князев улыбается.

Его улыбка широкая, символизирующая торжество.

Кажется, он чувствует, что, на самом деле, во мне нет смелости. Только страх и отчаяние, которые я изо всех сил стараюсь скрыть.

– А, знаешь, котенок, ты только делаешь игру… интереснее, – удовлетворенно произносит он. – Я люблю, когда дичь сопротивляется.

Дичь…

От ненависти мне хочется заорать. Я в шаге от того, чтобы выцарапать его наглые глаза.

– Надеюсь, ты повеселишь меня, и будешь драться до конца?

Пожалуйста, Вика! Держи себя в руках! Умоляю!

К счастью, Давид, наконец, сам отходит от меня еще на шаг, а затем и вовсе обходит, удаляясь куда-то за мою спину.

Но я нутром чую, что игра не окончена. Это только передышка, которую он позволил мне с барского плеча.

Кажется, я только усугубила свое положение.

Я еще какое-то время стою возле лестницы, не в силах сдвинуться с места. А потом забегаю в туалет перед тем, как вернуться к студентам.

Клянусь, мне требуется не меньше десяти минут, чтобы привести свой идеальный еще утром вид хоть в какое-то подобие порядка.

Когда захожу в аудиторию, ожидаю, что студенты вновь встретят меня насмешками и неприличными вопросами. Но они почему-то молчат. Лишь с интересом разглядывают, а я не могу избавиться от ощущения, что они уже знают все. Каждое грязное касание и мою позорную реакцию на них.

Следующие две пары проходят как в тумане. Это более младшие курсы, и мне удается справиться с тревожащим волнением.

Да и вообще – кто такой этот Князев, чтобы портить мне жизнь, правда?

Именно с таким настроем я и провожу последнюю, четвертую пару.

Студенты начинают шумно собираться домой, строят планы на вечер, и я следую их примеру.

Ужасно хочется погрузиться в горячую ванну с пеной, закрыть глаза и насладиться каким-нибудь приятным ароматом. Помню, в детстве мама часто покупала клубничную пену, а я все время расстраивалась, что та не розового цвета.

Атмосфера приятных воспоминаний заставляет меня немного отвлечься. Но как же жаль, что в нашей зачуханной общаге я даже душ принимаю с некоторым отвращением, стараясь ни к чему там не прикасаться. А полотенце всегда держу в пакете, чтобы не дай Бог!

Тишина после шумного дня давит на уши. Коридор становится практически пустынным, когда я торопливо бегу к кафедре, чтобы сдать табель и ключ от аудитории.

Шаги гулко отдаются по кафелю, а в голове – какофония утреннего кошмара, ледяные слова декана и давящая необходимость принять какое-то решение.

Он вернется. Он не оставит.

Эта мысль, как пойманная птица, болезненно бьется у меня в груди.

Кажется, даже сейчас я озираюсь, опасаясь непрошеной встречи.

Только когда подхожу к кафедре, немного выдыхаю.

Дверь оказывается приоткрытой, оставляя довольно при-

личную щель, а изнутри доносится негромкий, но отчетливый звук – влажное, мерное чмоканье, прерываемое сдавленными всхлипами…

Сначала замираю возле двери, но потом инстинктивно, почти не дыша, заглядываю в щель.

Картина ударяет по сознанию буквально с физической силой.

Посреди кафедры, прямо перед массивным столом заведующего, стоит Давид.

Он полностью расслаблен. Полулежит на краю стола, откинувшись на одну руку. Черные джинсы расстегнуты, спущены чуть ниже бедер. А лицо… оно выражает скучающее, почти презрительное удовольствие.

Но это, пожалуй, не самое ужасное.

Прямо перед ним, на коленях на холодном кафельном полу, сидит... Ирина, преподавательница по информатике.

Я узнаю ее сразу, потому что заприметила среди других, когда мы знакомились. Молодая, идеально одетая. И уже кандидат наук. Она показалась мне идеальной. Примером.

Теперь же ее аккуратная прическа растрепанна, шелковая блузка расстегнута на несколько пуговиц. А лицо, в это все дело, скрыто где-то в районе паха Князева, но по ритмичным движениям головы, по напряженной дуге спины и по тем самым жутким, приглушенным звукам, что доносятся наружу, не остается сомнений в том, что она делает.

В этот момент почему-то чувствую, как в очередной раз

земля уходит из-под ног.

К горлу подкатывает тошнота.

Я вжимаюсь в стену рядом с дверью, не в силах пошевелиться, не в силах оторвать взгляд от этого кошмара.

Понимаю, что не должна смотреть, но…

В ушах звенит. Мир сужается до щели в двери и до этой сцены унижения. Все, что было утром – его наглость, слезы, угрозы декана – померкло перед этим вопиющим, циничным актом власти.

Это ведь не просто хамство. Это демонстрация абсолютного господства. Он может делать что угодно. Где угодно. И с кем угодно. Даже те, кто казались сильными и неприступными, падают перед ним на колени. Буквально.

Кажется, будто этот жуткий спектакль сыгран сейчас специально для меня. Чтобы стало ясно – бежать, действительно, некуда.

Князев лениво проводит рукой по волосам Ирины, не как по любовнице, а как по вещи. Его взгляд скользит по комнате... и вдруг останавливается на щели в двери.

Моя грудь наполняется ледяным холодом.

Давид замечает меня. Видит, что я подглядываю.

Наши взгляды встречаются сквозь щель.

На секунду мне кажется, что Давид должен прекратись все, престыдиться, но ничего подобного не происходит. В его взгляде лишь вспыхивает циничное удовлетворение, а уголок рта дергается в усмешке.

Давид не то, что не отодвинулся и не прикрылся при виде меня. Наоборот. Он слегка приподнимает бедра, глубже вгоняя себя в рот преподавательнице, не сводя с меня своего горячего взгляда.

Его глаза словно говорят: «Смотри, училка. Смотри и запоминай. Ты следующая!».

Я резко отшатываюсь от двери. Так резко, что едва не падаю, запутавшись в собственных ногах.

Сердце колотится, как бешеное, вырываясь из груди.

Я просто не понимаю, почему не ушла сразу, почему осталась смотреть и, как следствие, оказалась пойманной. И, получается, теперь я дала Давиду новые ниточки для сплетен и издевательств.

Нормально дышать начинаю только когда спускаюсь в метро. В моих ладонях все еще зажат табель посещаемости и ключ от аудитории.

Пытаюсь как-то анализировать все, но не выходит.

Он делал это так открыто. Будто не боялся, что их застукают. Словно хотел, чтобы все увидели…

По коже вновь прокатывается ледяная волна беспокойства.

Наверное, лучшее, что я могу сделать в этой ситуации – забрать документы из университета и… жить дальше.

В собственных мыслях я даже не помню, как добралась до общаги. Как пробилась через привычную табачную завесу возле крыльца и открывала дверь в нашу комнату.

Потому Глаша нападает на меня будто из неоткуда. Выпрыгивает передо мной, словно черт из табакерки.

– Лебедева, танцуй! – с восторгом произносит подруга, болтая перед моим лицом какими-то бумажками. – Сегодня мы идем праздновать твой первый рабочий день в «Оракул»!

Глава 10

Вика

Оракул.

Название кажется очень знакомым, будто слышала его буквально сегодня.

Вот только не могу вспомнить где.

Ухожу в свои мысли, пока Глаша скачет вокруг меня, расписывая, как это круто, что ей попались проходки.

Понимая, что никакой реакции нет, подруга, наконец, останавливается и, заглядывая мне в глаза, спрашивает:

– Ты хоть понимаешь, что это значит? – Глаша настороженно прищуривается, как бы показывая, что я совсем того, раз не разделяю ее опупенной радости по поводу похода в ночное заведение.

– Я не люблю клубы. И очень устала, – отмахиваюсь от ее вопроса. Надеюсь, Глаше быстро надоест, и она от меня уже отстанет.

– Ты не понимаешь… – со вздохом заключает она. – Это же «О-РА-КУЛ»! – по слогам произносит подруга, словно теперь то мне точно откроется эта прописная истина.

Но я только закатываю глаза.

– Ну, ты и темнота, – еще сильнее вздыхает подруга. – Это же топ! Лучший клуб в городе! А, может, даже в стране!

Глаша с таким восхищением про все это говорит, что у

меня невольно складывается впечатление, что пока я была на работе, этой дурынде кто-то знатно промыл мозги.

– Там же собирается ВСЯ элита, понимаешь?! – для убедительности подруга расширяет глаза до такой степени, что те становятся неестественно большими.

При слове «элита» на меня обрушивается вспышка озарения. Я вспоминаю, где слышала это название буквально несколько часов назад. «Дава, приходи сегодня в «Оракул»», – выкрикнула какая-то девчонка, когда король университета появился утром на лекции.

– Понимаю, – отвечаю, стараясь как-то заглушить беспокойство. – Но мне это не интересно.

– Господи, Вика! – начинает раздражаться Глашка. – Ну, хоть раз сними с себя эту маску батана! Ты больше не студентка, можешь позволить уже себе взрослые развлечения!

– Я аспирантка, – напоминаю ей. – А еще меня взяли преподавать в хороший университет. Я должна подавать студентам пример.

– Да какой, блин? Как сдохнуть старой девой в окружении любимых кошек?

– Сейчас было обидно, – честно отвечаю.

– Прости… просто… Такой шанс раз в жизни выпадает. Понимаешь? Выложим фотки – все наши охренеют! А что, если мы встретим там кого-то? Вдруг именно мы станем теми, на кого обратит внимание богатенький красавчик?

– Который бросит тебя максимум через неделю, – хмыкаю

я.

– Зато эту неделю я буду самой счастливой! – не унимается Глаша. – Смотри не умри от зависти, когда к этой обшарпанной общаге меня привезут на Порше.

Сейчас мне вдруг начинает казаться, что такое вот совпадение – совсем не совпадение. Нам никогда не были доступны элитные клубы. Тем более, «лучшие в стране». А сейчас вдруг у Глаши на руках проходки, за которые, уверена, охотницы за пузатыми кошельками готовы продать душу и последние принципы.

– Откуда они у тебя?

– Кто? – бурчит подруга.

– Проходки.

– Однокурсница подогнала. У нее были, но она не может пойти, – с безразличием и почти отвернувшись откликается Глаша.

– Именно тебе? – не отстаю я.

Может, зря накручиваю, и эти билеты, действительно, на руках у моей подруги – чистое совпадение.

– Да именно мне! – шипит она. – И я подумала, что это крутая идея! Но некоторые не оценили, – намекает на меня.

– Ну, прости… – смягчаюсь. Глаша ведь на самом деле хотела как лучше. – Просто это правда не мое, – пожимаю плечами.

Хочу еще добавить, что настроения нет, но решаю, что не буду рассказывать про встречу с Князевым. Не хочу, чтобы

моя беда вылилась в помесь щенячьего восторга и позорного вожделения со стороны подруги. Чтобы она начала всячески его оправдывать и опять скатилась до «как тебе повезло».

Я правда не считаю подобное внимание везением. А еще время, когда выражением любви со стороны мальчика было дерганье за косички, давно прошло. Теперь это называется войной и неприязнью.

И если бы Князев действительно обратил на меня внимание в правильном смысле, он бы не вел себя как мудак. Ему же не семь лет, чтобы прятать симпатию за бесконечными перепалками.

И эти проходки… почему именно сейчас?

«Твои трусики, они сейчас такие же мокрые… – вспоминаю почему-то. – Мне не терпится проверить».

По телу вдруг прокатывается дрожь. Она накатывает, точно волна, и оседает напряжением между ног, отчего начинаю чувствовать себя грязной.

Неправильная реакция тела не то, что беспокоит меня – она ужасно злит! Я просто не понимаю, почему так реагирую на хамское потребительское отношение? Почему ненависть – не единственное чувство, что вызывает во мне Давид?

– А я все равно пойду! – восклицает Глаша. – Потому что не собираюсь просерать этот шанс! Как и свою жизнь! Не хочу всю жизнь пробыть серой мышью, закопанной в пыльные книги, как ты!

– Вот и поговорили, – заключаю я, понимая, что нам обе-

им нужно остыть.

Подруга тоже это понимает, потому не разводит скандал дальше. Мы просто не разговариваем больше до самого вечера, пока она не надевает свое самое откровенное платье и в последний раз не окидывает себя взглядом в зеркале.

– Мне все же кажется, тебе лучше остаться дома, – первой нарушаю зловещую тишину между нами.

– А мне кажется, тебе уже пора вылезать из своего панциря! – Глаша не собирается сдаваться. – Решай уже, как ты собираешься провести оставшуюся жизнь. Здесь, – она окидывает презрительным взглядом нашу комнатушку, – или же достойна чего-то большего?

Она хлопает дверью, и этот звук болью отдается во мне.

Понимаю, что не должна была ее отпускать, но Глаша вправе набивать собственные шишки. Мне хочется верить сейчас в то, что это правильно.

Сама же поудобнее усаживаюсь на кровати и достаю дневник. Записывать свой день – привычка с детства. Где-то у мамы до сих пор хранятся все мои дневники. Еще совсем детские, с рисунками на полях и вкладышами из разных очень важных вещей.

Сейчас же я делаю записи очень редко. В основном лишь в те моменты, когда хочется отпустить эмоции.

Порой кажется, что выговориться на бумаге – самый лучший способ.

Последняя запись была буквально вчера, когда я волнова-

лась от предвкушения первого рабочего дня. Она была пропитана положительными эмоциями, томительным предвкушением и полна моих планов на будущее.

Сейчас же я собираюсь писать совсем о другом…

Так проходит несколько часов с тех пор, как ушла Глаша.

Я не смыкаю глаз.

Переживаю за нее.

То и дело поднимаю с тумбочки телефон, чтобы проверить, нет ли пропущенного или сообщения.

Может, зря позволила ей одной идти в этот рассадник зла?

И потому, когда телефон, наконец, оживает, я выдыхаю от облегчения. Вот только зря.

– Вика! – голос Глаши полон паники. – Скорее приезжай! У меня ЧП!

Глава 11

Вика

– Надеюсь, тебя похищают инопланетяне? – со вздохом спрашиваю я.

Клянусь, я была уверена, что ничего хорошего из этого похода в клуб не выйдет. И сейчас я злюсь больше всего на себя за то, что отпустила непутевую Глашу и отпустила ее одну.

– Хуже, Вика! Это гораздо хуже инопланетян! Все пропало!

Я не знаю, чего хочу сейчас больше: убить ее или помочь. Меня буквально трясет всю от ощущения накатившей безысходности.

Едва не спрашиваю у подруги, не видела ли она среди посетителей своего любимого Князева. Мне страшно ехать в клуб из-за этого. Ведь лишнее столкновение с Давидом – дополнительный повод опустить меня при студентах.

В итоге Глаша рассказывает, что кто-то, якобы случайно облил ее добротной порцией спиртного, и теперь она прячется в кабинке туалета.

– Ты же видела мое платье! – вопит подруга. – А теперь представь его мокрым!

Представляю и закатываю глаза.

– Вика, ну, пожалуйста! – молит Глаша. – Ты же не бро-

сишь меня тут одну на растерзание маньяков?

– Еще пару часов назад ты называла всех этих людей элитой, – напоминаю ей.

– Вот сейчас как-то не время передергивать. Пожалуйста… твоя проходка в моей тумбочке. И, умоляю, возьми такси. Я все возмещу! А еще новое платье! Вика! Не забудь платье!

Когда кладу трубку, хочется заорать от негодования. Смотрю на часы, изображающие стрелками уже час ночи, а потом выбегаю в туалет, который у нас, кстати, тоже общий, и спешу выплеснуть на свое горящее то ли от гнева, то ли от страха лицо как можно больше ледяной воды.

Вызываю такси, натягиваю джинсы, просторную футболку и кардиган сверху. Для Глаши беру примерно то же самое. Она ведь не думает, что после всего я позволю ей остаться в клубе? Потому какое нафиг платье?

Пока еду до клуба на такси, меня все еще трясет.

Понимаю, что должна думать о подруге сейчас, но все мои мысли о НЕМ.

Его циничная ухмылка, которая, наверное, никогда не сходит с красивого лица, так и стоит перед глазами.

Хотя, с чего я вообще взяла, что встречу там Князева. Девчонка только позвала его в клуб, а Давид ничего не ответил. Шансы, ну, пятьдесят на пятьдесят.

И вообще пора уже признать – Князева слишком много в моей голове. Гораздо больше, чем должно быть. И мне сроч-

но нужно с этим что-то делать!

Перед тем, как зайти в клуб, звоню Глаше. Она должна сориентировать меня, куда идти. Но ее телефон выключен.

– Отлично, – с разочарованием произношу.

Пробую набрать подругу еще раз, но ситуация повторяется.

– Ну, почему, у тебя вечно все через жопу? – интересуюсь у подруги, и нехотя плетусь ко входу.

По проходке меня легко пускают в клуб. Хотя по глазам вышибалы читаю – моим внешним видом он не очень доволен. Наверное, привык видеть другое. Но это «другое» вызывает во мне отвращение. Я просто заберу свою непутевую подругу, и мы поедем домой.

Клуб встречает меня розовым неоном на стенах и мелькающими белыми вспышками.

На шестах в клетках вертятся почти голые девицы, но никого из присутствующих этот совсем не напрягает. Люди расслабляются, выпивают, танцуют, морально разлагаются, в общем. А я этого не одобряю. Скорее бы отсюда уехать!

Сквозь толпу танцующих пробираюсь к бару. У бармена в наколках интересуюсь, где туалет. Какой-то лысый тип криминальной наружности предлагает мне выпить. Вежливо отказываюсь и спешу уйти.

Все же решаю, что когда найду Глашу – я ее прикончу! Честное слово!

В туалете подруги не обнаруживается. Закрываю глаза,

стараясь собраться с мыслями, и, отбросив все сомнения, выхожу обратно в основной зал, чтобы ее найти.

Давид

– Ты все испортила, сука! – отталкиваю Ирину с раздражением.

Я так и не кончил.

После того, как увидел Вику, подглядывающую в щель, просто не смог. Мне до боли в яйцах захотелось кончить именно в ее рот.

– Давид, я… – пытается оправдаться все еще стоящая на коленях другая преподша.

Она сама пришла ко мне. Под каким-то тупым предлогом увела от парней, а я повелся. Потому что трахаться хотелось капец как!

Но в итоге все идет по одному месту!

У меня всего неделя, чтобы завалить Вику. И этот инцидент явно не приблизит меня к цели.

И дело вовсе не в том, что мне жаль сотку. А в том, что я не проигрываю.

– Тебе не понравилось? – с каким-то ужасом на лице интересуется преподша. Ее губы и щеки влажные после минета, и это вызывает во мне отвращение.

– Нам надо это прекращать, – отрезаю холодно.

Зачехляю свои причиндалы обратно в боксеры и джинсы.

– Это потому что она увидела? Так я с ней поговорю, это не проблема.

– Только попробуй к ней подойти, – шиплю я. – Держись подальше, поняла? И от меня тоже.

С этими словами я направляюсь к выходу с кафедры и рывком толкаю входную дверь.

Вики, естественно, там уже не оказывается.

Зато у меня в голове созревает план.

– Геворг?! – набираю знакомого управляющего в «Ораку-ле». – Мне нужны две проходки на сегодня.

Тот ржет.

– Тебя давно не было, Дава, но не настолько, чтобы мы забыли твою физиономию.

– Это не для меня, – отвечаю я. – Поможешь?

Глава 12

Вика

Не могу даже передать, как зла на Глашу! Не хочу даже в мыслях допускать, что она сделала все специально, чтобы выманить меня на этот праздник жизни.

Глаза немного слезятся от ярких вспышек в темноте. Я не понимаю, как такое может нравиться.

Единственное, чего мне сейчас хочется (после убийства подруги, естественно), так это поскорее вернуться домой. Даже наша общага сейчас мне кажется вполне себе приличным и уютным местом. Пусть и там вечно орет телевизор у соседей.

Вглядываюсь в каждое тело на танцполе.

– Глаша, блин! – выдаю разочарованно, потому что понятия не имею, где теперь ее искать.

Снова пытаюсь набрать номер, но абонент все равно оказывается недоступным, и мой телефон сейчас просто превращается в бесполезный кирпич.

Да и вряд ли бы в таком помещении она услышала. Вибрация смартфона просто ничто в сравнении с объемными басами музыки, буквально обволакивающими тело.

Пока озираюсь по сторонам, кто-то толкает меня плечом, да так сильно, что едва не взвываю от боли. Тут же хватаю ушибленное место и взглядом просматриваю траекто-

рию движения наглеца:

– Сорри! – орет какой-то долговязый парень, стараясь перекричать музыку, но его голос, как и силуэт, тут же оказывает сожранным бездушным чревом клуба.

Когда цепляюсь, наконец, за образ Глаши, на меня накатывает облегчение. Правда ненадолго.

Рядом замечаю несколько высоких крепких парней, и один из них так сильно напоминает Давида, что мне мгновенно становится дурно. Спина, поворот головы…

А еще дурнее, когда парень поворачивает голову, и я узнаю его окончательно.

Завидев меня, будто каким-то особым образом вычислив из всей толпы в полумраке, Князев привычно ухмыляется. Эта дурацкая ухмылка вечно сопровождает его появление в моей жизни.

А еще его слишком много. В очередной раз я встречаю этого парня, хотя буквально вчера мне казалось, что наши дорожки больше никогда не пересекутся.

Не сводя с меня пронзительного надменного взгляда, который так и орет: «Ну, здравствуй, училка!», Давид по-хозяйски закидывает руку Глаше на плечи, с тяжестью обнимая ее.

Только сейчас замечаю на ней его кожаную куртку. Почему-то понимаю, что дорогая вещь принадлежит именно Князеву.

Почему на ней его куртка?

Он что-то шепчет моей подруге, и та резко оборачивается.

Ее лицо тут же меняется на довольное. Эта дурында весело машет мне рукой. Кричит что-то, но звук теряется в музыке. Улыбка до ушей. Она в восторге от ЕГО внимания.

Эти двое направляются ко мне.

У меня сердце летит куда-то вниз.

Сейчас я проклинаю свою сердобольность. Лучше бы и дальше сидела в комнате и изображала обиженку, а не вот это вот все.

– Сюрприз, Виктория Евгеньевна! – Давид начинает первым.

Его голос звучит громко, чтобы перекрыть музыку, но с фальшивой теплотой.

– А вам вообще можно по таким местам ходить?

– А это не твое дело, Князев! – выпаливаю я.

Главное, не показывать того, что у меня на сердце. А там буря. Да такая, что вот-вот на части все разнесет.

Глупо надеюсь, что Давид не станет продолжать перепалку, хотя и понимаю – не будет такого. А этот павлин выкатывает вперед грудь и продолжает:

– Ваша подружка… немного пострадала от неуклюжего соседа, – Давид кивает на Глашу, которая сияет, точно новогодняя елка. – Пришлось спасать ситуацию.

Дергает куртку на плечах моей подруги, которая настолько ей велика, что ее хрупкое тело оборачивается темной кожей полностью.

Его глаза – не на Глаше, а на мне. Выискивают трещины в наспех выстроенной броне.

– Помог – спасибо, – выдаю я. – Но на этом все, мы уходим.

А моя подруга, эта дурочка, встревает, вставляя свои пять копеек, делает обиженное лицо:

– Вик, ну что ты?! Ты же только пришла! Давид такой классный! Он помог! И клуб офигенный! Давай хотя бы один танец! – она тянет меня за ладонь, но я каменею.

Его рука все еще лежит на плече Глаши, палец водит по коже у ворота его же куртки. Демонстративно.

Он будто транслирует мне: «Смотри, училка, эта девочка моя. Потому что я так хочу».

Уйти. Просто развернуться и уйти.

Но Глаша… Я не могу бросить ее здесь, с НИМ.

Она просто не понимает, во что вляпалась.

Его взгляд скользит по мне, оценивающе, как тогда в аудитории. Это бесит. Особенно то, как реагирует моя кожа. Становится горячей, словно ее накалили.

– Может, позволите предложить вам напиток? – приторно вежливо предлагает Давид. Его тон сквозит фальшью.

– Нет. Спасибо. Нам пора, – еще раз повторяю очень твердо, и теперь уже я хватаю Глашу за запястье. – Отдай куртку, Глаш. Идем. Я принесла тебе другую одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.